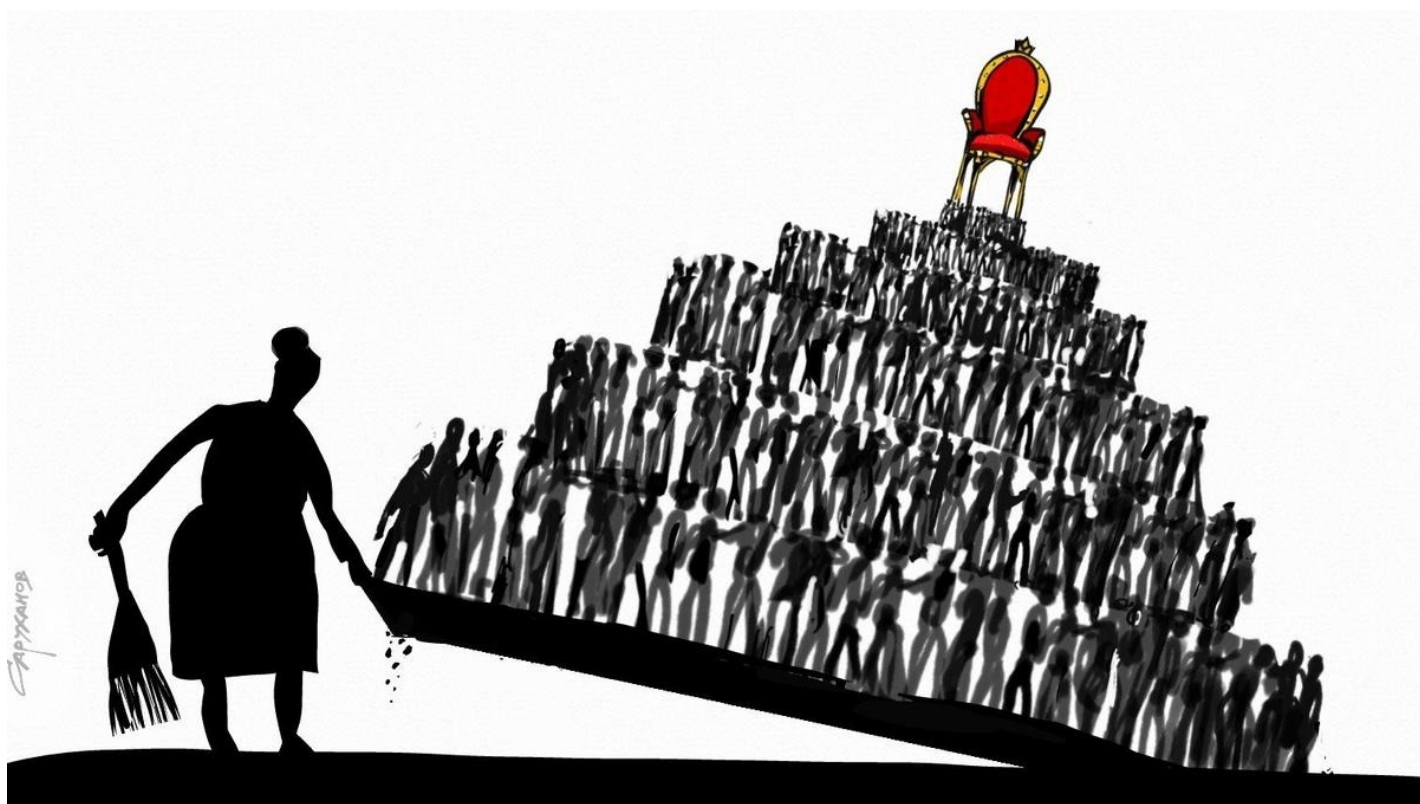

Проектировщики утопий

Чем и как управляется российский народ, почему из людей можно составить любые конструкции и кто такие таинственные методологи

Петр Саруханов / «Новая газета»

07:27, 18 апреля 2024,

Роман Шамолин

антрополог, специально для «Новой»

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

Когда говорят о судьбе народа, то, как правило, опираются на какую-либо из двух основных философско-исторических концепций.

- С одной стороны, есть **эссенциализм**, согласно которому всякий народ имеет свою исключительно уникальную и врожденную судьбу, сущность, предназначенность. Эту сущность (эссенцию) он реализует в своей истории и в принципе даже не имеет возможности слишком далеко от нее отклоняться. Высшее назначение народа в том, чтобы без остатка ей принадлежать, стать ее живым и поучительным воплощением.
- С другой стороны, есть **конструктивизм**. Здесь народ не имеет никакого изначального предназначения и собирает, конструирует себя в процессе ответов на те исторические вызовы, что время от времени перед ним появляются. Судьба лишена какой-либо «уникальной миссии». Она складывается лишь из тех ответов, на которые люди способны на конкретном отрезке времени и пространства. Нет эксклюзивной «высшей цели», но есть свобода выбора и способность к импровизации.

Самые расхожие, мейнстримные взгляды на российскую историю выстроены по образцу однозначной **эссенциальной** концепции. Есть предназначенная судьбой централизация народа и предназначенная его «особость», связанная с исключенностью из основных мировых идентичностей: не Запад и не Восток, не Европа и не Азия. Из этого складывается традиционный российский исторический «позитив». Если говорим про Россию, значит, всегда говорим про «единство» и про «особый путь». Это всегда неизменно и всегда «хорошо».

Но что, если эту традиционную, как бы по умолчанию вшитую в культурный код идею о российской «особой централизации»

рассмотреть не как нечто врожденное и неизбежное — а, напротив, как нечто рукотворное, сконструированное и поставленное на конвейер производства, который не дает особых сбоев не потому, что «судьба», а исключительно в силу инерции? Может быть, так оно и есть.

И то, что называется «особым путем», — есть не что иное, как последствия весьма слабой способности к импровизации у «верхов» и весьма слабой проявленности свободы у «низов»? А если вдруг усилится и то, и другое — то и не станет никакой «особости»?

На примере последнего столетия отечественной истории можно видеть, что этот наш как бы «фирменный знак» политической и мировоззренческой идентичности — «особая централизация», «особый путь» — появляется вовсе не из стихийного «народного волеизъявления», не из неких мистических «народных недр». Он возникает и утверждается как результат жесткого идейного и психологического, в чем-то и гипнотического конструирования, которым российская властная элита занимается как своим главным делом, главной миссией. Успех же этого утверждения основан в первую очередь на двух вещах: на полной бескомпромиссности властных элит, для которых не существует практически никаких сдерживающих этических и рациональных пределов, а также на практически полной беспринципности народных масс, которые состоят из атомизированных, конформных и слабо образованных индивидов, склоняющихся перед любым успешным силовым ресурсом.

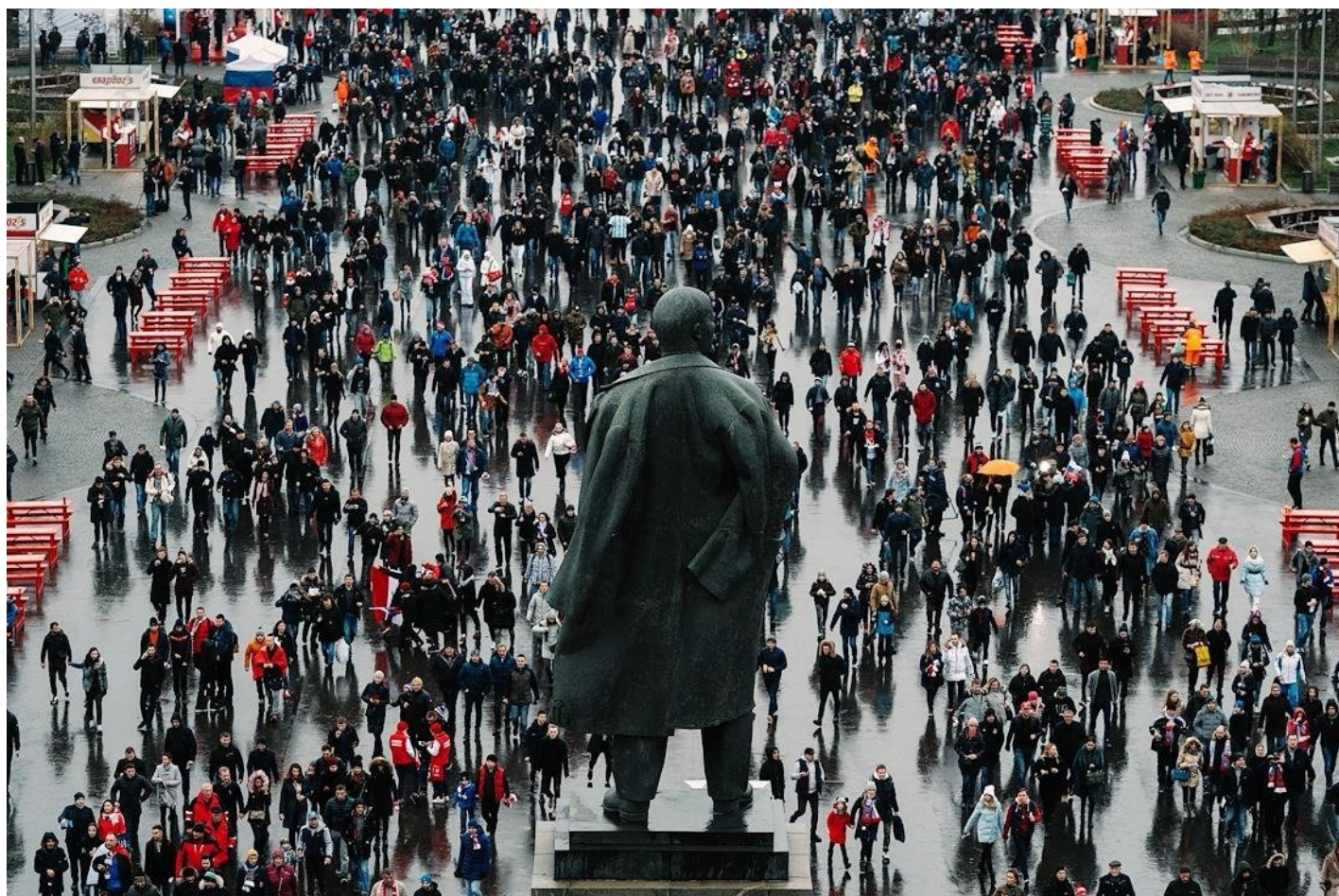

Фото: Антон Белицкий / Коммерсантъ

В самом начале XX века один из главных творцов и модераторов российской революции, Владимир Ленин, отчетливо осознал, что сами по себе народные массы ни в коей мере не являются субъектами ни классовой борьбы, ни вообще истории. Даже из самой мобильной и «прогрессивной» части народа, из пролетариата, само по себе не возникает ничего особенно революционного. Максимум чего можно ожидать от «прогрессивного класса» — это стихийного недовольства зарплатами и слишком плотным рабочим графиком. Но если в данных вопросах между владельцами производства и рабочими достигается компромисс, то и «классовая борьба» сводится к нулю.

В одном из своих ключевых текстов «Что делать?» Владимир Ленин весьма детально обосновывает ту мысль, что сколько-нибудь значимого классового, революционного, социал-

демократического сознания у рабочих в принципе не могло и быть.

История всех стран свидетельствует, что «... исключительно своими собственными силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское», то есть не выходящее за рамки весьма локальных экономических, «зарплатных» интересов.

Если так обстоит дело с «передовым классом», с пролетариями, то тем более это относится к самому многочисленному российскому классу — крестьянству. Превозносимая сначала славянофилами, а затем и демократами-народниками сельская «общинность», в которой видели стихийную, естественную основу для социализма, в самые короткие сроки распалась и исчезала, как только внутри нее начинался процесс активной экономической жизни и возникало неравенство.

Главный меседж Ленина в том, что историческое, революционное сознание можно привнести в народные массы только извне. А ведущий носитель такого сознания — «революционная бацилла — интеллигенция». В общем, по такому сценарию все тогда и произошло. Партия «большевиков» оказалась наиболее бескомпромиссной и пассионарной «бациллой». Посредством идей о свободе и справедливости она гипнотически завладела сознанием и подсознанием масс, централизовала и оформила массы в едином коллективистском дискурсе. Вскоре, правда, как только власть этой «бациллы» укрепилась и вооружилась, из риторики сначала исчезло понятие «интеллигенции», а затем и понятие «революции» сменилось понятием «диктатуры». Разумеется, это

была диктатура не абстрактного «пролетариата», а того нового управленческого класса, тех разного рода начальников и комиссаров, которые от имени «пролетариата» выступали и властвовали.

Появление на историческом горизонте Советской России оказалось делом рук весьма незначительного меньшинства, революционной элиты, которая позже переродилась в элиту бюрократически-диктаторского типа. По сути, это была очевидная и очень успешная **конструктивистская** практика. Однако для самых широких слоев населения бесперебойно продолжала работать гипнотическая установка: вы, рабочие и землепашцы, есть главная власть и главный получатель всех благ социалистической государственности; вы есть единый и особенный советский народ, вставший с колен и бросивший вызов всему несправедному миру капитала и эксплуатации.

А «широкие слои» волей-неволей вбирали в себя эту рукотворную идентичность, утопическую и мессианскую по форме. Собственно, другой идентичности им и не предлагалось. За другую идентичность просто расстреливали.

Сознание и подсознание «широких слоев» формировалось по очевидному **эссенциальному** образцу и вырабатывало в ответ **эссенциальную** энергию — энергию утопического энтузиазма, когда никакие средства не идут в счет при сравнении с великим предназначением. Можно сказать, что **эссенциальный** гипноз весьма продуктивно работал на **конструктивистские** проекты, сакральные и механистические одновременно, — наподобие

того, как это было в деспотиях Древнего Египта, Месопотамии или Китая.

Характерно, что советский утопический энтузиазм, как бы сильно он ни владел массовым сознанием, не был по-настоящему субъектным. Он держался почти исключительно на внешних источниках, на средствах агитации и пропаганды, за которыми стоял вооруженный авторитет партийной бюрократии. Центростремительная энергия, сплотившая народ вокруг коммунистических идей и советского государства, не была чем-то естественным. Она не рождалась из «народных недр», как некогда предполагал Николай Бердяев, говоря, что «наивный социализм» и «мессианство» всегда были этим «недрам» свойственны. Как только поток идейного влияния советских властей стал ослабевать в 70-е годы, а затем и вовсе прекратился к концу 80-х — народное сплочение и народный «наивный социализм» заметно поколебались, а в конце концов перестали существовать как явление. Другими словами, без направляющего авторитетного и авторитарного **конструктивизма** российский **эссенциализм** сам по себе и не возникает, а будучи уже обретенным, долго не держится.

Фото: Елена Игнатъева / Коммерсантъ

Но пока идейное влияние сверху активно идет и подтверждается силовым ресурсом, вполне может возникнуть впечатление, что это не просто влияние, не просто гипноз, а действительно некая «народная сущность», некое естественное состояние массовых душ и умов. Сознание и воля, находящиеся под внушением, под гипнозом, могут быть очень убедительны в своей имманентности. И далеко не сразу понятно, что мы имеем здесь дело с рукотворным проектом, с конструированной имманентностью.

Однажды, когда советский проект находился в периоде своего расцвета, в 20-е и 30-е годы прошлого века, — конструктивизм выступил под своим настоящим именем и сделался образцом

практически для всех сторон российского, тогда советского бытия. Особенно показательным это произошло в области устройства мест человеческого жилья и работы — в области архитектуры. Конструктивизм сделался тогда воплощенной в домах и заводах политической философией, согласно которой человек есть элемент для возведения социальных и технических мегапроектов. Человек как сознательный и заряженный энтузиазмом строительный материал. Человек — шлакоблок. В этом определено его назначение. Субъектность стирается на фоне доминирующей силы массового производительного сознания и заполняющих жизнь механизмов.

Советский конструктивизм есть антикантианство.

Человек есть не цель, а оптимальное средство. Что характерно, собственно, не только для социализма, но и для капитализма.

Для всякой системы, где производство и производственные силы поставлены во главе. Однако именно в советской России это обрело тогда наиболее чистый, бескомпромиссный формат, потому и привлекло увлеченное внимание многих футуристов и проектировщиков утопий со всего мира.

Строятся дома-комбинаты, которые есть своего рода ритуальные воплощения коллективно-производительного бытия и сознания. Функциональные временные пристанища для людей-атомов. Муж в мужском корпусе, жена — в женском. Кухни, туалеты, душевые — общее место. Человек должен быть готов в любой момент бросить все и отправиться на новый проект. Дома-комбинаты сродни производственным цехам, в которых формируются лояльные системе антропные элементы.

Их можно разбирать на запчасти и собирать заново, но уже в другом месте.

Таким элементам не нужно много личного места, так как их личное целиком принадлежит системе. С 20-х годов прошлого века и по середину 50-х среднее статистическое пространство для жилья в Стране Советов держится на одном уровне: не больше чем 5 кв. метров на персону. Характерно, что в 1913 году эта цифра была больше: 7 кв. метров. Принцип существования: одна семья — одна комната.

Дома-комбинаты с их строгой прямоугольностью и монументализмом — это действительно ритуальный стиль архитектуры.

Наподобие древнешумерских культовых зернохранилищ. В этих домах идея служения производству преподносится со свойственным русскому социализму аскетичным пафосом.

Но основная часть строителей социалистической мегамашины живет в деревянных бараках. Не просто основная часть — 90% живет в бараках. Если дом-комбинат — это цех, то барак, по аналогии, — это хлев. В бараке тоже воплощается принцип конструктивизма, принцип политической философии индустриальной эпохи: человек есть элемент производства. Бараки возводятся вокруг объектов производства; они служат не человеческой жизни, а прежде всего — жизни фабрики, шахты или завода. Бытие поддерживается в них ровно настолько, чтоб обитатель барака мог выживать, а выживать он должен затем, чтобы с должной регулярностью производить нужные для системы вещи.

В бараках и обитал тот самый «глубинный народ», что и по сей

день служит основным объектом для гипнотических практик российских властей.

Фото: Майя Жинкина / Коммерсантъ

Можно сказать, что продолжателями дела советских **конструктивистов** стали ячейки **методологов**, влияние которых мы наблюдаем и по сей день. Они возникают в позднесоветский период, когда авторитет «классических», марксистско-ленинских властных установок стал заметно ослабевать. Когда идеи «классовой борьбы» и «коммунистического строительства» уже не вызывали должного энтузиазма в коллективном сознании. Старый гипноз переставал работать, — надо было активировать новый. Но суть оставалась прежней: люди есть материал для проектирования. Найди точку воздействия, дай им объединяющий стимул — и

будешь над ними властвовать. Ибо сами по себе, без воздействия и внушения, они лишь бессмысленные атомы, хаотические частицы, которыми правит случай.

Однако объединив их вокруг понятной идеи, которая должна быть максимально простой и доступной для эмоционального усвоения, получишь податливую и благодарную «народную массу».

Георгий Щедровицкий. Фото: википедия

В отличие от известного принципа *divide et impera* («разделяй и властвуй»), здесь принцип противоположный: **«объединяй и**

властвуй». Впрочем, итог должен быть одинаковым: упрочить позиции власть имущих.

Создатель движения **методологов** Георгий Щедровицкий — фигура неоднозначная, конспирологическая. Поначалу, еще в 50-е годы прошлого века, он находится в тесном творческом союзе с такими фундаментальными философскими умами советской эпохи, как Мераб Мамардашвили и Александр Зиновьев. Вместе они ведут поиски эффективных «антидотов» от тоталитарной партийной идеологии. Но уже вскоре пути расходятся. Мамардашвили и Зиновьев следуют своим звездам, а Щедровицкий создает движение «Московский методологический кружок», позиционирующийся на манер тайной масонской ложи.

Методы «**методологов**» базируются на чисто техническом подходе к «людскому материалу». Социальная инженерия без всяких гуманистических, экзистенциальных усложнений. Представить общество в виде составного механизма, затем — разобрать на детали, понять устройство, найти точку управления, нажать на нее и направить всю конструкцию в нужную сторону. Ключевое слово — **схематизация**. Все должно стать абсолютно наглядным, взаимозависимым и функциональным. Чтобы войти, куда нужно, сделать, что нужно, — и получить ожидаемый эффект.

Первая ключевая программа в социальной инженерии **методологов** — проникновение во власть. Смутное перестроечное и постперестроечное время подошло здесь как нельзя лучше.

Тихо и незаметно захватывать власть изнутри.
А для этого: вступать в престижные

политические партии, становиться «незаменимыми» советниками и секретарями при губернаторах и министрах, идти в выборные органы.

Программа осуществилась: многие **методологи** успешно вошли в сферы влияния. Их идеи заручались поддержкой таких могущественных в свое время авторитетов, как Анатолий Чубайс или Владислав Сурков. И ко дню сегодняшнему имеют покровительство от «высоких кругов», в лице, например, Сергея Кириенко или Елены Мизулиной.

Впрочем, дело не в самих **методологах**. Пожалуй, никто из них, кроме прямого преемника основателя движения Петра Щедровицкого, не вышел к «центральной панели управления». Но главное, что оказалось достигнутым: российская власть вобрала в себя самую суть их учения. Власть сама сделалась главным технологом и инженером человеческих душ, воплощая принципы: «**схематизируй**», а затем «**объединяй и властвуй**».

Елена Мизулина. Фото: Дмитрий Духанин / Коммерсантъ

Важнейшим плодом «священного брака» между **методологами** и властью оказалась идея «русского мира». Она возникла в умах у первых и была присвоена и трансформирована второй. В своем изначальном виде «русский мир» совсем не был тем, что видят за ним сегодня. Это был проект глобальной индустриализации российских ресурсов, а не их милитаризации. В изначальный «русский мир» была заложена установка на своеобразный и довольно шизоидный конспирологический «русский космополитизм», но там не было и следа того радикального геополитического патриотизма, по которому «русский мир» известен ныне.

Сейчас уже не так важно, в чем состояли первичные благие намерения.

Мы имеем тот «русский мир», который есть. Можно ли говорить, что он явился на свет как глобальное искажение методологического проекта? Да, разумеется, это искажение.

Но беда **методологов** совсем не в том, что они сконструировали «русский мир». Беда в том, что в своих амбициозных проектах они сделали ставку на силу, которая уже тогда, в 1990-е и 2000-е годы была силой очевидно беспринципной и аморальной. Они сделали ставку на российскую власть. Которая их же поглотила и переварила. Отчасти, в уменьшенном формате, эта история напоминает ту, что некогда случилась с идейными большевиками-интернационалистами при вхождении в полную силу «вождя народов» с его «железным занавесом». Те, кому повезло, были отправлены на пенсию и забыты. Но основная же часть просто не пережила 37-й год.

Какое место во всех этих изобретениях, искажениях и сменах конструкций занимало то большинство населения, что называется российским народом? В общем, точно такое же, как всегда. Как при временах, когда излюбленной **конструкцией** российских самодержцев была: «Москва — третий Рим». Население податливо и благодарно за то, что дают. Если, конечно, у дающих есть сила. Но, возможно, этому населению еще повезет и когда-нибудь ему преподнесут нечто более гуманное и перспективное, чем обычно.

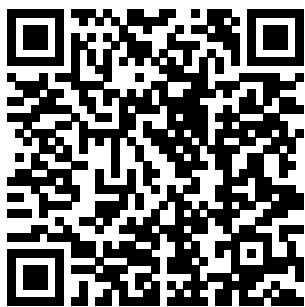
ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Какой сегодня ключ](#)

Российское общество ни к чему «инородному» не испытывает «любви». Сегодня гонимы мигранты, завтра — кто-то другой

13:22, 5 апреля 2024, Роман Шамолин

[«Необсуждаемое» и люди-машины](#)

Откуда берется абсолютная покорность властям. Заметки антрополога по поводу прошедших выборов

10:31, 26 марта 2024, Роман Шамолин

[Кони бледные](#)

На философском собрании обсудили «духовный» переход к военному сознанию, стремление к смерти и лозунг «все дозволено»

16:58, 1 апреля 2024, Роман Шамолин